

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ

Сергей Иосич

С.И.

КОКОДАН

ЗИГЗАГИ ЭВОЛЮЦИИ

КОКОДАН-2

НА РАСПУТНОМ ШЛЯХЕ

18+

Сергей Иосич

**Кокодан. Зигзаги эволюции.
Кокодан – 2. На распутном шляхе**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Иосич С.

Кокодан. Зигзаги эволюции. Кокодан – 2. На распутном шляхе / С. Иосич — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В этой, искрящейся юмором социальной фантастической повести, речь идет о ящике Пандоры, который случайно открыли члены российской археологической экспедиции на Синае. Раскопав кости кентавров и фавнов, пораженных стрелами великого героя древности Геракла, копатели выпустили на свободу вирус, который быстро, в зависимости от поведенческих и моральных особенностей, преобразует людей в козлоидов, бараноидов, свинтусов и верблюдопитеков. Опасная болезнь быстро изменила политическую обстановку в мире.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Иосич

Кокодан. Зигзаги эволюции.

Кокодан – 2. На распутном шляхе

Пролог

Эта история задела за живое критиков пера, привычно оседлавших скачущего Пегаса.

Видеоконференция, проводимая под эгидой всемирной организации антропологов (ВОА), по накалу страстей была сопоставима с извержением Везувия во времена попавшей в утиль Римской империи. На повестке трудового дня стоял извечный вопрос о происхождении человека — хомо сапиенса (лат). Ученые разделились на три ударные группы. Одни пытались доказать, что человек произошел от мерзкой обезьяны, другие устроили хоровой ор о божьем промысле, третьи твердили о загадочных семенах жизни из космоса. В конце концов, пыл этой схватки умов не выдержал измордованный скайп и конференция была грубо прервана по внезапно возникшим техническим причинам.

Лауреат Гнобелевской премии, доктор социологии и антропологии Джон Кульбит был изрядно огорчен тем, что ему не удалось до конца высказать оппонентам свою новаторскую, и на первый взгляд, не очень уродливую мысль. Великий и прославленный ученый упорно внушал скептически настроенной аудитории, что во времена создания жизни на земле лабораторная посуда была вымыта плохо и гены человека смешались с генами обезьян, козлов, баранов, свиней, хорьков, волчар и прочих животных. Его смелые постулаты подтверждались физическими, моральными, умственными и поведенческими признаками, существующими у современных хомо сапиенс. В частности, он назвал своих оппонентов козлоидами, бараноидами, свинтусами и прочими обидными, по их мнению, кличками, что вызвало бурю негодования и вывод из строя видеосистемы в интернете от перенапряжения. Через некоторое время, работу скайпа удалось восстановить, но время было безвозвратно упущено и ученые мужи, с обильной пеной из кричащих ртов, приступили к обсуждению другой темы: «О роли толерантности в борьбе за выживание скандинавских народов».

Разъяренный Джон узловатым пальцем решительно вырубил свой компьютер, и яркая тугая мысль о мести осенила его небольшую лысую голову. Разве зря он получил престижную международную премию, любовь и признание сильных мира сего? Чего только стоил его пятисотстраничный трактат о ведущей роли англосаксов в мировом научном прогрессе? Этот перл пока не удалось прочесть ни одному члену Гнобелевского комитета. Претенденты на критику, после двадцать первой страницы, впадали в некий транс, ехидно именуемый злопыхателями сном, и не могли противопоставить какие-либо аргументы по несостоятельности научных каламбуров автора. Учитывая это немаловажное обстоятельство, и соответствие названия научной работы текущему политическому моменту, Гнобелевский комитет торжественно вручил Джону Кульбиту престижную премию со всеми вытекающими последствиями и бабками.

По голове и фигуре Джона трудно было определить, генами каких животных были заражены его предки в процессе создания человека. Маленькая головка тыковкой с длинным неоперябельным носом и лопухами-ушами невнятно говорила об англосаксонской породе. Жирная нескладная фигура с задом-курдюком предательски свидетельствовала о зараженности ее обладателя примесью курдючных бараньих или сусликовых составляющих. По невидимым рогам, которыми часто и щедро Джона украшала его супруга Мадлен, было непонятно, к козлам или баранам относится частичка геной сущности великого ученого. Жена держалась мужа ради его огромного состояния и несомненной антипопулярности в научной среде. Сладкая мысль

о мелкой мести, как яблоко, упала на тыковку-ракушку великого и прославленного Д. Кульбита.

Глава первая

Академия, как слизкий спрут, протянула свои щупальца в провинциальные города, деревеньки и хутора. В многочисленных филиалах престижного учебного заведения получить так называемое высшее образование мог каждый. Были бы бабки и минимум желания. Дипломы как горячие пирожки щедро продавались всем егэшным страждующим. Армия дипломированных юристов, экономистов, социологов, управленцев, программистов и экологов надежно пополняла торговые, посудомоечные, таксистские, кулинарные, артистические, сантехнические и экстрасенские ряды тружеников страны. Одной из важных статей дохода нуворишей от образования считалась продажа талантливых выпускников за рубеж. В последние годы спрос в мире на одаренных специалистов значительно увеличился. Ими комплектовались научные центры, такие как, например, Силиконовая долина. Стоимость российских гениев колебалась от ста до двухсот тысяч долларов за особь. Таким образом, за счет российских налогоплательщиков готовились научные кадры для технологических успехов Запада.

Кабинет ректора был огромен и обставлен изысканной итальянской мебелью. Толстяк сидел в мягком кресле с высокой спинкой украшенной каким-то гербом, осоловело смотрел на длинную нелепую фигуру студента Лапкина и поучал:

– Молодой человек! Что ты заладил патристические байки? Сказано, ты нужен великой американской науке и точка. Я и так тебя держал из-за настойчивости декана вашего факультета. Старикан из далекого советского прошлого считает, что ты талантлив и все такое. В отличие от всех порядочных студентов ты никогда не золотил ручки профессорам во время сессий. Это и не удивительно. Твоя мать-одиночка, забытая богом и государством – нищая. Вот ты и поможешь ей обрести простое сермяжное счастье: купишь нормальную квартиру вместо курятника, оплатишь все ее жалкие кредиты, накормишь сыром, окороком и колбасой вместо дэширака. Проезд к месту твоей новой работы оплачу я. Америка это не Россия. Это пещера Али-бабы с бумажными зелеными сокровищами. Так что не гунди и соглашайся – скатертью дорога!

Ректор критически осмотрел Вадима Лапкина и, покривившись, недовольно прохрюкал:

– Бери пять тысяч. Купи себе одежду попримичнее, особенно носки. Небось, от них одни резинки остались. Химическая атака, которую ты устроил в моем кабинете, будет неуместна в высоком кабинете лауреата Гнобелевской премии – профессора Кульбита. Свободен!

Юноша с облегчением покинул роскошный кабинет ректора. Похоже, гены руководителя университета были загрязнены свинными, что четко укладывалось в стройную козлосвинобаранную теорию доктора естественных наук Джона Кульбита, с которой Лапкин познакомился позднее.

Нью-Йорский аэропорт им. Джона Кеннеди кишел человекообразными. В этой сутолоке можно было запросто потерять не просто себя, но и свою личность. Вадиму крупно повезло. Он заметил среди встречающих невзрачного человечка, держащего в руках самодельную табличку, на которой славянской буквой было коряво написано: «Ляпкин! Бонжур!»

Виляя между громадами небоскребов, тачка тащила задницу бывшего студента к месту его будущей постоянной работы на Манхеттене. Пожилой водила, встречавший Вадима в аэропорту, был не в меру болтлив и для шпионской работы явно не годился. Из разговора с ним Лапкин почерпнул, что проныра имеет четыре паспорта: российский, украинский, американский и кленовый – канадский. Пенсии умудрился получать в России и на Украине, а со временем, маячила возможность вырвать зеленые бабки из лоховатых США и Канады. У Гнобелевского лауреата этот скользкий тип устроился работать недавно, рассчитывая чем-нибудь поживиться у миллионера.

– Типичный одессит – сонно констатировал уставший за время долгого перелета Лапкин. Авто остановилось у парадного подъезда одного прокопченного старинного небоскреба.

– Небось строили порабощенные индейцы или африканские рабы – метко заметил разочарованный Вадим. Английский язык он изучил в совершенстве если не считать, что произношение, мягко говоря, оставляло желать лучшего, а матерные слова были не из его лексикончика. Все это прозрачно намекало на отсутствие репетитора в кургузой судьбе Лапкина.

– Привет программист! Зови меня просто Джон. Ты какой-то нескладный. Где твоя шапка и балалайка? А медведя ломал? – ласково вопрошал профессор на английском, встречая нового работника. Просторный кабинет миллионера был обставлен старинной мебелью, которую со слезами жалости на глазах, давно пора бы выбросить на свалку.

Хозяин сразу перешел к делу:

– Мои друзья и коллеги по научному цеху осмелились спорить со мной и крутить пальцами, как это по русски – дули. Я заплатил за тебя сто тысяч баксов в надежде на скорую отдачу. Задача будет простая. Я тебе вручаю список моих оппонентов, а ты на их фотографиях в аккаунтах, в зависимости от масштабов и ракурсов, рисуешь бараньи, свиные или козлиные головы вместо человечьих. В списке моих врагов напротив каждой фамилии будет стоять буква «К», «С» или «Б», означающая принадлежность к козлам, свиньям или баранам. Все тексты их переписок, рецензий и научных работ нужно преобразовать в простые буквосочетания. Для баранов: «Беее!»; для свиней: «Хрюхрюхрю», для козлов: «Мееемеее!». Все это, в отношении наших врагов, должно работать постоянно, сколько бы компов или дисков они не меняли, какие бы защитные программы не внедряли. Понял?

Вадим изумился:

– Суровенько! Суперсложно! Но мне – по барабану. Сколько будешь платить, где аппаратура и где мне жить?

Сроки босс установил жесткие, жилье определил в том же прокопченном небоскребе, где находился его кабинет, аппаратура оказалась не очень, но сносная. И с зарплатой не обидел: тридцать тысяч баксов по окончании работы. В таких непростых условиях российский гений-программист приступил к адской и не совсем престижной работе. Ровно через две недели на необъятных просторах интернета появилась странная злобная программка. Вирус, изящно лавируя, обходил все защитные системы и, принявшись, избирательно поражал странички, сайты и компы некоторых ученых, превращая всю их зависшую информационную базу и железо в козлий, свиной или бараний хлам. При этом, программист Лапкин проявил излишнюю инициативу, преобразовав страничку ректора своей алма-матер в свинтусоидную, за что получил нагоняй от босса. В тщательно выверенных списках лауреата такая харя не значилась.

В результате мощной гибридно-вирусно-тройанской атаки, поднялся шум и гам на самом высоком политическом уровне. После тщательного международного общественного расследования был сделан вывод о вероятном испражнении российских хакеров на научное гнездо западной цивилизации. Конгрессмены тщетно тужились замаять скандал, пытаясь выгородить лауреата Нобелевской премии, из офиса которого выполз слизкий бацилл, но не тут-то было. По Европе и в США прошли немногочисленные, но свирепые и хорошо финансируемые западными олигархами демонстрации, направленные против грубого российского вмешательства во внутренние дела Запада. Кое-кто намекнул о введении новых санкций против России, что было тут же одобрено большинством недалеких парламентариев стран Евросоюза и США. Отныне все заграничное, что было нажито непосильным трудом российскими олигархами и чиновниками, было арестовано, а они сами были объявлены в международный розыск за отмывание грязных денег. Детки указанных лиц были депортированы из престижных университетов Запада в Россию, что ввергло их состоятельных родителей в тревожную депрессию и печаль. Очень скоро западные санкции повлияли на значительное улучшение состояния рос-

сийской экономики. Вывоз капиталов за рубеж частично прекратился. Тесные связи с Китаем, Индией и Ираном заменили прогнившие кабальные торговые условия западного рынка. Ранее страдающие немотой чиновники, стали сами сотрудничать с прессой вместо хорошо финансируемых надутых девиц-любовниц, чем-то очень похожих на дядюшку Скруджа.

В который раз перед страной открылись потрясающие перспективы. Стоимость потребительской корзины для прослезившихся от счастья россиян, поднялась на две копейки, а пенсии – на четыре копейки. Политические силы в цивилизованном западном обществе быстро смекнули, что способ разделить людей по животному признаку не так уж и плох. Проблема мигрантов из Украины и Ближнего востока настоятельно требовала срочных действий. Вскоре на обложках новых паспортов Евросоюза и США появились изображения обезьян, свиней, козлов, баранов и прочей живности, на что представители России и Китая в ООН отреагировали крайне негативно. Ведь понятно, с каким изображением будут выдавать паспорта людям с темной кожей. От этой новой инициативы Запада повеяло явным запахом застарелого свиного навоза.

Короткая Вадимкина заграничная карьера заканчивалась синхронно с его рабочей визой. Получив заработанную честным трудом оговоренную сумму от прижимистого, но обалдевшего от счастья удовлетворенной жалкой мести Нобелевского лауреата, Лапкин мысленно сравнил себя с витязем на распутье. Оставаться далее в США было невозможно, а ехать в никуда у программиста не было никакого желания. Краснокожий российский паспорт нагло и упорно звал на родину.

Москва ласково встретила Вадима парковым весенним цветением плодоягодных, низкими тучами и конфетками-бараночками. На однокомнатную квартиру за пределами Садового кольца он заработал в сравнительно короткое время, чем был доволен как слон. Мать гордо обняла сына в малюсенькой, но опрятной комнатухе в коммуналке. Захлопотала, залепетала и попыталась накормить Вадика чем бог послал. В их неказистое жилье то и дело заглядывали соседи, надоедая расспросами. Вадим, вежливо отмахнувшись от их назойливости, торжественно вынул из рюкзака небольшую коробочку и протянул матери. С волнением открыв упаковку, бедная женщина ахнула и заплакала, увидев красивое дорожное ожерелье. На следующий день Вадим купил однокомнатную квартиру в недавно отстроенной высотке в районе Новогиреево. Свой старенький компьютер он, без особого сожаления, отнес на мусорку. Туда же последовала большая часть убогого скарба неполной семьи Лапкиных.

Матери удалось быстро продать свою приватизированную коммунальную комнатуху. Несмотря на яростное сопротивление сына, на вырученные деньги она заказала недорогую мебель в новую квартиру. На новейшую аппаратуру Вадим денег не пожалел. Вскоре, в приобретенной небольшой квартире Лапкины устроили новоселье, пригласив бывших соседей и маминых подруг. Вадим хорошо помнил, как эти добрые люди отзывчиво выручали маму во времена многочисленных финансовых кризисов. Ведь на должности уборщицы много не заработаешь.

С устройством на работу у Лапкина не заладилось. В госструктурах все вакантные должности заняли пристроенные важными родителями девочки и мальчики. В офисах частных компаний предлагали сетевую работу по распространению неходовой продукции. Постоянная борьба Минфина и Центробанка с национальной валютой не обещала радужных перспектив простому российскому обывателю.

В студенческие годы Вадима здорово выручала ночная работа в ресторанчике быстрого питания «Макдональдс». Перебрав множество малооплачиваемых вариантов и наплевав на свой красный диплом, Лапкин устроился в знакомый ресторанчик, поскольку программистов родная страна не любила и относилась к ним с недоверием и опаской. Однажды, поздним вечером, в ресторанчик ввалилась кучка молодых людей с дебильными, недобрито-брутальными харями. Заказав полные подносы снеди, они морщились, плевались и, жутко матерясь, швы-

ряли их на пол. Вадим, убиравший за клиентами, вежливо сделал компании замечание, за что немедленно получил несколько сильных ударов, в том числе, и ногами.

Очухался он не скоро. Все худосочное тело ныло от побоев, глаз заплыл, губы разбиты, отсутствовал передний зуб. Ночная смена ресторанчика собралась у побитого Вадика то ли сочувствуя, то ли ради удачной записи происшествия на мобильники. Около его распластанного тела валялось несколько, запачканных кровью, пачек российских деревянных денег. Хулиганов и след простыл. Суровенький начальник смены потребовал от Лапкина немедленно покинуть заведение по той простой причине, что клиент всегда прав, а уборщику не следует хамить и делать какие-либо замечания посетителям.

Мать ахнула, увидев плачевное состояние сына в этот поздний час. Заплакала, засуетилась, дрожащими руками пытаясь отыскать в коробке из-под обуви ватные шарики, йод или зеленку. Умывшись, обработав раны и успокоив мать, Вадим глубоко задумался. По его мнению, обращаться в правоохранительную систему было не только глупо, но и опасно. Он считал, что эта система из преступника запросто могла сделать жертву, а из жертвы – преступника. Все зависело от количества денег и связей.

Обладая хорошей тренированной памятью на лица, Лапкин легко мог бы воссоздать автопортреты негодяев, и попробовать поискать их физиономии по фотографиям в социальных сетях. Кроме этого, подробные видеозаписи могли сохраниться на сервере системы видеонаблюдения ресторанчика. Визит Лапкина в отдел кадров и бухгалтерию за расчетом был кратким. Охранник за пять тысяч рублей любезно предоставил бедолаге подробную видеозапись драки и, сочувствуя, посоветовал ему никогда не лезть на рожон.

Между визитами к стоматологу Вадим занимался поисками обидчиков в социальных сетях. Это ему провернуть удалось легко и в сжатые сроки. Досье на хулиганов и их высокопоставленных родителей, вплоть до адресов и банковских счетов в России и за рубежом, удалось собрать по крупицам. Оказалось, что банда наркомажорчиков была замешана в разбойных нападениях, поджогах, драках, изнасилованиях и крупных ДТП с убийствами и нанесениями тяжкого вреда здоровью граждан. Записями о смаковании преступлений хвастливо пестрели их странички в интернете. Особенно страшно было смотреть на сценки издевательств над мигрантами со стороны необузданной группы «золотой молодежи». Дебилы, начав на возмущение толпы и представителей прессы, наслаждались своим и родительским немерянным богатством, покровительством отдельных коррумпированных представителей власти, безнаказанностью и волей вольной для многих богатеньких и вороватеньких в либеральной России.

Через месяц в элитной среде олигархов и крупных чиновников случился переполох. Какой-то неуловимый хакер сделал наиболее видных особей из высшего общества нищими, взломав операционные системы отдельных банков и переведя крупные суммы на нужды благотворительности. Мало того, горделивые портреты отдельных образчиков новоявленной знати в интернет-новостях украсились свиными и бараными головами, а их прочувственные статьи, обращенные к избирателям или просто к толпе, превратились в бляение и хрюканье.

Поскольку слухи о разорении родителей членов банды мажорчиков оказались не блефом, рыцари правоохранительной системы сурово покарали преступников, подарив им длительные тюремные сроки совершенно бесплатно. Вскоре за ними последовали и их обедневшие коррумпированные родители. Россияне, узнавшие по новостям о справедливом судебном возмездии по делу о мажорчиках, возликовали, смеялись и плакали от счастья. Наконец судьба-индейка к стране повернулась передом. Вера граждан во внезапное возрождение справедливого правосудия в России в который раз оказалась сильнее здравого смысла.

В этой политической суете, незаметный и неуловимый Вадим плел свои хакерские сети. Разместив в российских банках часть крупных денежных средств и криптовалюты, экспропрированных у госмасштабных воругов, он купил шикарные апартаменты в центре Москвы, пяток

крутых тачек, личный самолет, вертолет, а так же нанял дюжих, вооруженных до зубов молодых для охраны своей особы. Калейдоскоп дальнейших событий не заставил себя долго ждать.

Сокурснице Вадима Лапкина, татуированной донельзя и надутой Карине, поначалу крупно повезло. Ее взяли в археологическую экспедицию на Синайский полуостров, в лунных горах которого нашли некое древнее загадочное захоронение. Начальник экспедиции, старый профессор Клярор не позволил молодым людям, которых набрал в группу по настоятельным рекомендациям влиятельных членов Российской академии наук, насладиться памятниками и красотами Израиля. По прибытию в аэропорт Бен Гурион Тель Авива, старик не стал рассусоливать и, прищпорив нанятые внедорожники, умчался со своими подопечными в пыльную пустыню.

Вскоре желтоватая взвесь из под колес внедорожников скрыла все татушки Карины, покрыв ее кожу грязным налетом. Такое начало не сулило ей ничего хорошего. Прощай ночные клубы, brutальные мужчины, выпивка, гонки на авто и дурь. Ее папика был важной шишкой в Минфине. Он прослыл отчаянным проводником байдаровских идей и в этом преуспел. Однако, как он не лизал западные задницы, все равно попал под санкции и его дочь депортировали из Сорбонны в родные пенаты. Последний курс чиновничьей кровинушке пришлось отучиться в обычном российском вузе. Но и у этого гнилого чинуши хватило ума отправить свою, опускающуюся на самое общественное дно, мажордочурку куда-нибудь подальше от Москвы.

Длительная архэксспедиция в благословенный Израиль оказалось тем самым злчным местом. Ни кустика, ни травинки, ни деревца не встретились путникам на этой пыльной бесконечной дороге. Марсианский ландшафт Синая одновременно пугал и завораживал. Мелкая пыль хрустела на зубах, а раскаленное белое солнце беспрестанно звало рты приложиться к фляжкам. Где-то здесь, в старину, шел со своим народом по пустыне легендарный Моисей в поисках земли обетованной.

Более всего Карину раздражала небольшая мужская компания, которая всю дорогу яростно о чем-то спорила и не обращала ни малейшего внимания на ее надутые губы, татушки и большую грудь под тесной майкой. Видно для пяти сопляков наука была прежде всего.

– Одна, совсем одна в этой вонючей компании среди грязи и пылищи – печально вздыхала Карина и слезы безнадеги бежали с ее накрашенных глазенок. Где-то там, в рюкзаке, хранилась заветная бутылочка бренди, которая могла бы ей помочь поднять настроение, но когда это удобно будет сделать, только один зловредный начальник-старикан знает.

Подобие дороги подошло к концу. Даже верблюжатые бедуины стали попадаться все реже. К вечеру, беспрестанно петляя, колонна машин экспедиции добралась до искомой точки. Небольшое ущелье между горных хребтов в незапамятные, более благоприятные погодные времена, служило руслом небольшой речки, о чем свидетельствовали россыпи гальки и наносы крупного речного песка. Древняя река словно ножом срезала высокий глинистый берег, обнажив множество загадочных образований, напоминающих торчащие белесые коряги.

– Вот и цель экспедиции! – воскликнул радостный начальник, приказал разгружать машины и готовить лагерь. Все участники экспедиции были предупреждены об обилии ядовитых змей и скорпионов, обитающих в здешних местах. Повеселевшие парни, под руководством опытных арабов-водителей, быстро разгрузили нехитрый скарб, запасы воды и расставили палатки.

Смертельно уставшая Карина попыталась залезть в палатку и полежать, но не тут-то было. Перед палаткой нарисовался Клярор и, отчаянно ругаясь, потащил девушку чистить картошку и готовить ужин. На небольшой газовой печи на две конфорки была установлена кастрюля, в которой уже закипала вода. Мешок с картошкой манил своей значимостью в кулинарных изысках.

Избалованная мажордесса не имела понятия о процессе приготовления простой народной пищи. Почистить банальную картошку на ораву мужиков для нее было не менее проблематично, чем слетать на Луну. Процессу чистки корнеплодов мешали длиннющие накрашенные ногти, похожие на когти нечисти из преисподней. Кстати, странная луна рогами вверх уже нарисовалась в вечернем небе.

Проголодавшийся народ все чаще стал крутиться у импровизированной кухни, пытаюсь понять потуги единственной девицы в экспедиции на поприще чистки картошки. Наконец парни не выдержали и молча сели в кружок с ножами в руках. Через несколько минут в кастрюле закипела картошка и добавленная тушенка распространила на весь лагерь пряный аромат несравненного рациона солдат и путешественников.

За ужином начальник поставил задачи всем участникам экспедиции. Было принято мудрое решение: археологические работы из-за жуткой жары проводить только в утреннее и вечернее время. За несвоевременное приготовление ужина суровый Кляр распекал Карину и настоятельно посоветовал ей немедленно подрезать когти. Цаццарапкина пыталась что-то возразить, но слипшиеся надутые губищи помешали ей излить свое скудное красноречие. В итоге, завтрак к шести часам утра начальник повесил ярмом на ее изнеженную шею.

Макароны, сваренные в слизкую комкообразную массу, не слишком вдохновили с утра раздраженных мужчин. Мысленно обозвав дурынду-повара непотребными словами, парни с шанцевым инструментом в руках потянулись к месту изысканий. Старик-профессор уже забил колышки и протянул между ними шпагат, обозначив прямоугольник раскопок.

Перед началом археологических изысканий старый зануда строго проинструктировал подчиненных о порядке ведения работ и мерах безопасности. Площадка раскопок находилась на самом краю отвесного берега исчезнувшей реки. Принятые за коряги окаменелые загадочные кости торчали из крутого среза обрыва. Эдик, самый долговязый из парней, осторожно спросил профессора:

– Лев Николаевич! Не совсем понятна цель нашей работы, и что это за торчащие кости?

Кляр пояснил что, по всей вероятности, это место жестокой битвы всадников и пехоты. Судя по глубине отложений, данное археологическое событие датируется около трех с половиной тысяч лет до нашей эры. Возможны находки древнего бронзового оружия и других артефактов, находившихся у архаичных воинов.

Карину посадили в развернутую в районе раскопок палатку, дали кисти и принадлежности для обработки находок. Отныне обязанность готовить пищу возлагалась на пожилого араба-водителя. Через два дня осторожных раскопок археологи добрались до заветного многообещающего слоя. Обнажились хорошо сохраненные под слоем плотной глины окаменелые кости лошадей и людей. Все чаще попадались позеленевшие бронзовые наконечники стрел и короткие мечи.

Медленно очищая скелеты, археологи столкнулись с удивительной особенностью: лошади и люди имели общий позвоночник, у некоторых пеших воинов кости ног напоминали задние коровьи конечности, а черепа были украшены вросшими овечьими рогами. Поняв что к чему, потрясенный старый профессор бросился в лагерь к радиостанции. Вскоре весь научный мир узнал о сенсационной находке. Некие древние воины в седые незапамятные времена истребили в горах Синая настоящих кентавров и фавнов. Оказывается, такие монстры действительно существовали.

К месту раскопок потянулась масса археологов, быстро заполонивших долину сраженных древних монстров и людей. Силиконовая Карина, обделенная вниманием российских мужчин, быстро обрела популярность среди глуповатых, и не слишком щепетильных англосаксонских поклонников. Этой дамочке в принципе не светило кормить грудью своих будущих детей, а безобразные татушки, перси и прочая фигня инстинктивно отталкивали настоящих, стоящих мужиков. Кляркову не нравилось, что на рабочем месте девицы постоянно торчали

английские и французские научные мужи, открывая ей секреты археологии, но пришлось смириться и быть более дипломатичным. Дело приобретало серьезнейший оборот. Возможно миф о Геракле, по пьянке истребившем кентавров отравленными стрелами, имел реальную историческую почву.

Вадим Лапкин, узнав из новостей о находке останков кентавров и фавнов в горах Синайского полуострова, был потрясен. В виртуальном мире наличие козлоидов, бараноидов и свинтусов можно было объяснить простыми программными, иллюзорными и текстовыми манипуляциями, ничего не меняющими в реальном мире. Но сенсационная новость о человекоживотных, обитавших в седой древности, констатировала достоверность некоторых мифов и поражала масштабами возможных домыслов.

Наличие богатства у молодого, до недавнего времени, нищего человека, вызывало глубокий интерес у властей всех мастей. Но придраться было не к чему. Всем заинтересованным лицам стало известно, что Лапкин поработал в США на ниве программирования и заграбастал кучу американской зелени. А имя Нобелевского лауреата – работодателя Вадима вызывало уважение среди отдельных западнолизных стратегов и политиков страны. Его хакерские атаки на российские и иностранные банки ударяли с различных точек вайфай, носили единственный, кратковременный характер и были в прошлом. Работал Вадим у компьютера всегда в перчатках и в маске типа «ждун». Поэтому цэрэушные шпионские системы никак не могли его засечь. Галопом менялись и личные счета Вадика в различных банках, сумма которых никогда не превышала установленной законом суммы страховых выплат гражданам в случае банкротства финансовых компаний. Особую нишу в его финансовом состоянии занимала значительная сумма в биткоинах. При непредвиденных осложнениях с законом, денег ему хватало с лихвой на подкуп грешных правоохранителей, свято уважающих богачей.

Посему, Лапкин чувствовал полную неуязвимость перед многими тупыми российскими взяточниками и спал спокойно под надежной охраной. С друзьями и сокурсниками в соцсетях он общался под кличкой «Кокодан» и терпеливо уверял, что данное название пришло в его голову совершенно случайно, и оно очень удобно в смысле недогадайки. Отношения с женским полом как-то не складывались. Вадик избегал реального общения с современными девицами и предпочитал виртуальное. Там он досыта мог любоваться откровенными фотосессиями красавиц, дурить им головы комплиментами и обещать золотые горы. Многие клевали, в основном на золотые горы, и предлагали Вадикку себя самым наглым и назойливым образом. Места встречи дурынды назначали сами, и напрасно долго поджидали возможного гражданского мужа. Лапкин был беспощаден и неуловим, поскольку хорошо знал нравы современных девиц из опыта натуральной студенческой обыденности.

В беседах с мамой Вадим жаловался на отсутствие элементарного ума, стыда и благородства у многих современных городских особ. Он ненавидел курящих, пьющих и грязно ругающихся женщин, считая их всех работницами древней профессии. Мать ему мудро советовала приглядеться к провинциальным домашним девушкам из небогатых, но достойных семей. Но таких девушек в социальных сетях было не так просто найти, так сказать – дефицит. Заграничных вонючих европейских и америкосских шлюшек Вадим решительно отменил из-за их неспособности к нормальной семейной жизни, неприятию российских ценностей и неумении как следует мыться. Можно было бы приглядеться к российским мусульманкам, но сложность обычаев и семейных устоев народов, к которым те относились, отпугивали робкого по натуре Лапкина.

Однажды лениво ковыряясь в интернете, Вадик заметил фотографию своей бывшей, скандально прославившейся однокурсницы Карины. Девушка в стрингах, украшенная узором татушек, горделиво выставив голую надутую грудь, стояла среди разбросанных костей крупных неведомых животных. В руке она держала человеческий череп, украшенный бараньими рогами.

У потрясенного Лапкина в штанах что-то зашевелилось. Мозги ему шептали о том, что Каринка редкая шлюха, но мужское начало глупо внушало о сладости физической близости с этой шалавой. Страничка Карины в соцсетях была открыта для всех желающих и приветствовала инетпутников фоткой ее обнаженной натуры. Чего здесь только не было: гонки по Москве на мажорных тачках, групповуха, драки, пьянки, издевательства над бездомными животными, людьми и прочие фантики сладкой жизни неприкасаемой золотогавенной шпаны в неадеквате.

Переписка Карины не впечатляла умного человека, но необъяснимо притягивала своей банальной простотой и обилием матерных слов. В общем, художник-абстракционист, случайно вошедший в оный файл, нарисовал бы сюжет, от которого смачно пахло бы помоями, при этом рискуя получить всеобщее признание неискушенных дураков от искусства. Это был бы не «Черный квадрат» Малевича, а надо брать выше – ослиная моча.

Тем не менее, с перепиской между Лапкиным и Кариной заладилась, хоть и со скрипом сыромятной кожи. Подражать ее козлознакомым на этом поприще оказалось делом легким и приятным. Главное – не пытаться включать мозги, а то при общении можно вовсе лишиться слабой работоспособности серого комка слизи, засевшего в голове. Ждун по прозвищу «Кокодан» наконец дождался приключений на свое заднее место, временно позабыв о костях кентавров и фавнов, и действовал согласно мудрой поговорке: «Порочным связям все возрасты покорны».

Вскоре личный самолет молодого миллионера забарахтался в направлении Синая в поисках птицы счастья завтрашнего дня, которой все время пугали народ прошлые и нынешние слуги народа. На этот раз Вадиму грозила встреча с реальной стервой из, так называемого, высшего паразитарного общества. Наблюдая в иллюминатор за проносящимися под крылом города, поля, моря и леса, Лапкин почему-то вспомнил о своей совсем недавней бедности и забитости, гордо высморкался и приступил к походному нехилому обеду, поданному постоянно кланяющимся и жмурящимся как кот, китайцем.

Самолет успешно сел на выделенную полосу и стал на прикол на площадке стоянки частных воздушных судов. Израильтяне, как в песне Высоцкого, таукитяне, были весьма радушны, и таможенные формальности удалось уладить в сравнительно сжатые сроки.

Благодушие Лапкина внезапно обернулось смутной тревогой. В толпе встречающих он заметил плакат, написанный корявым почерком: «Ляпкин! Гудентаг!», и попал прямо в жаркие объятия старого знакомого по приключениям в США – суперводилы, чрезвычайно похожего на одессита. Поскольку хозяин не подал условный знак, телохранители Вадима молча взирали на теплую встречу двух старых знакомых.

– Какие люди, и с охраной! Мир стал тесен, а в попе — плесень... – пытался гнусно остерить бывший водила Гнобелевского лауреата, от которого несло незабываемым густым запахом кариесных зубов. Видно к кацерной пище он пока не привык.

Лапкин хорошо помнил лихие поездки по Нью-Йорским улицам, которые, казалось, совершались в последний раз. Дорожно-транспортные происшествия брезгливо обходили тачку болтливой, и не всегда смотрящего на дорогу водилы самым загадочным образом, а дорожные знаки бессильно грозили вслед оголтело несущемуся, и по-лошадиному ржущему, лакированному экипажу с двигателем внутреннего сгорания.

Вадим остолбенел, узнав что старый пройдоха еще и вертолетчик нанятой его людьми машины вертикального взлета. Подкашивающейся походкой, в сопровождении телохранителей, он последовал за новоявленным воздушным асом на вертолетную площадку, мысленно посыпая свою голову пеплом. Но любовь иногда бывает сильнее страха. Поэтому Вадим трусливо решился на рискованную воздушную прогулку.

– Ну, камикадзе, собрались? А теперь полетим! – весело напутствовал пассажиров перед полетом бравый вертолетчик.

Когда обалдевшие пассажиры заняли свои места, обшарпанный маленький вертолетик, усиленно пританцовывая как полоумная курица, попытался взлететь. К шизоидному удивлению Вадика и членов его охраны, вертолет, после нескольких па, согласно любимой местной песенке о школе танцев Соломона Пляра, взлетел аки голубь. Воздух над горным пейзажем изобиловал воздушными ямами, от которых Лапкину очень скоро стало плохо. Удивленный его зеленым видом, пилот протянул большущий целлофановый пакет, и жестом отвергая благодарность, произнес мудрую фразу:

– Для лучшего друга и дерьма не жалко.

Поэзия полета винтокрылой машины закончилась сравнительно мягкой посадкой с завершающим ритуальным исполнением танца священной обезьяны. Широкое ущелье среди лысых гор было забито вертолетами, внедорожниками, бедуинистыми верблюдами гималайской породы, вперемешку с самими бедуинами.

Вадима торжественно вынесла из вертолета не совсем здоровая охрана, а супервертолетчик, хлопая как цыпленок крыльями, хлопотал вокруг поверженного пассажира с фляжкой теплой водки в одной руке и соленым огурцом – в другой, тщетно изображая верх сочувствия. Прощельга прекрасно знал, что на такой жаре водку пьют только мужественные аборигены из какого-нибудь племени «Ням-ням» и славного рода «Баобаб». Поэтому этот ритуал был возможен в лимпомпошной Африке, но не в здешних благопристойных местах.

Вадикино веснушчатое лицо после некоторой травли остатков желудочного содержимого в дареный пакет, постепенно стало приобретать розоватый оттенок. Зелень куда-то ушла, словно сумма со счетов ограбленных им свинодеятелей росгосмасштаба. Отметив улучшение общего состояния здоровья у своего важного пассажира, вертолетчик быстро преобразился из цыпленка в скарёдного торговца божественными напитками типа фанты и кока-колы, ящики с которыми он, пыхтя, разгрузил в тени вертолета. Над Лапкиным и его телохранителями грозно сгустились тучи водителей внедорожников и бедуинов-верблюжатников, жаждущих получить свои тридцать серебрянников. Он решительно отмел возможность путешествия в район раскопок на постоянно харкающих и мотающихся налево и направо верблюдах, и предпочел внедорожник.

Шоферюга-араб громко врубил какую-то жалобную восточную музыку, похожую на некие стоны воображаемого акына, и лихо рванул по пыльной дороге навстречу Вадикину возможному счастью. Через несколько минут машина резко затормозила у ряда палаток разного типа и конфигурации, развернутых в русле давно высохшей речки. В одной из таких палаток Лапкин надеялся встретить свою надутую любовь с характерными татушками. Набрав заветный номер на своем мобильнике с золотым корпусом, он с замиранием сердца ожидал услышать такой дорогой, слегка пропитый и прокуренный голос.

– Какого хрена ты мне трезвонишь? У меня важная научная встреча с коллегой – услышал он грубую женскую отповедь.

– Это я, Вадик! Прибыл как принц на белом коне за своей ненаглядной – проворковал, стуча сердцем, влюбленный джигит.

Полог одной из палаток распахнулся, как в сказке про Али-бабу и сорок разбойников. Из образовавшегося отверстия выскочил какой-то смуглый господин с голым торсом, на ходу застегивая штаны. Следом появилась разгневанная, обнаженная фигура Карины, костерящая матом неудачливого очередного любовника и красивым жестом швыряющая несколько зеленых купюр вдогонку за искусителем.

Эта необычная сцена жестоко ударила по самолюбию Вадима, навеяв невеселые мысли о бренности бытия. Карина, увидев остолбенелую группу мужиков, мигом скрылась в палатке, от греха подальше. Отринув чувство оскорбленного эгоизма, влюбленный джигит решительно вошел в полумрак тканного жилища возлюбленной потаскушки.

– Большой привет, о моя гусочка! – приветствовал, в свойственной только влюбленным манере, Вадик Карину, успевшую натянуть кое-какую вызывающую одежду.

– О том, какой у тебя привет я должна судить после неизбежных занятий любовью с тобой, мой петушок – смущаясь ответила девушка, скромно жеманясь.

– А кто негодяй, которого ты только что прогнала? – осмелился задать нелепый вопрос кровно заинтересованный влюбленный.

– Да так, не успела переодеться, как хамло без стука вошел в палатку. Пришлось выгнать – проворковала археологическая дива.

– А причем тут бабло, которое ты швырнула ему вслед? – не унимался неугомонно-назойливый Лапкин.

– Ну вот, ревнивец нарисовался на мою задницу! – истерически взвизгнула недовольная суперневеста и, успокоившись, внятно пояснила:

– Не скрою, бабки предлагал за обладание мною. Разве я этого недостойна? Но не в моих правилах отдаваться каждому встречному-поперечному, тем более за жалкие сотню баксов. Как девушка скромная, я швырнула зелень наглему вслед.

Попав под чары железобетонной логики своей желанной, и не обратив внимания на нестыковку ее объяснений с фактом важной научной встречи с коллегой при недавно состоявшемся телефонном разговоре, Вадим быстро отправил телохранителей осматривать местные достопримечательности. Оглянувшись, охранники увидели удивительную картину: палатка ходила, по-слоновьему, ходуном и издавала какие-то подозрительные желудочно-кишечные, хрюкающие звуки.

Жгучее солнце уже пыталось спрятаться за скальными породами, когда на всем скаку в палатку влетел старый профессор Клярв. Резким движением хирурга он смел со стола рюмки, бутылки и прочие атрибуты застолья, дрожащими руками вынул из ведра несколько осколков керамики и разложил на столе. Обращать внимание на оккупировавших скрипучую кушетку влюбленных старому утесу науки было некогда.

Перед потрясенным профессором открылись древнегреческие письмена, четко начертанные в застывшей и обожженной в незапамятные времена глине. Напрашивался следующий дословный перевод:

– Я, дитя Зевса полубог Гераклес, стрелами отравленными поразил полузверей мерзейших, зарыл их тела и остановил разгорающееся пламя болезни лютой в чадающем очаге мироздания. Не сотвори глупость, о копатель несчастный! Не открой болезни ход, словно ящик Пандоры, не сотвори из людей чудовищ проклятых! Вино пил в меру. С уважением, Гераклес!

– Да пусть меня простит за такой дебильный перевод мировое археологическое племя! – прошептал обсохшими губами ошеломленный старый пердун, и грозно взглянул из под седых бровей на притихших влюбленных голубков:

– Что за бардак на столе, и что это за антропологические новости? – тыкнув пальцем в сторону Лапкина, строго спросил начальник экспедиции.

– Это мой троюродный брат из глухой сибирской деревни. Приехал в гости. Ну, мы выпили помаленьку, как бы, за встречу и археологию – осторожно оправдалась мудрая Карина.

– Так чего ждете? За встречу, так за встречу. Как бы, наливай! – потребовал повеселевший профессор.

– А кто эти добры молодцы у входа в палатку? Остановили, напугали, обыскали. Хорошо, денег с собой не взял, а то случился бы у меня финансовый убыток – понизив голос поделился опасениями Клярв, трясущимися руками разливая по древним граненым стаканам из коллекции экспедиции, хмельное пойло.

В пылу начавшейся пьянки было напрочь забыто древнее грозное предупреждение Геракла. Да и откуда в такой пустыне микробам или вирусам взяться? Ведь прошло, не много, не мало, тысячи три годков. Небось с голодухи все подошли, резонно рассуждали участники

застолья, к которым прибавилось два мордоворота личной охраны Лапкина и постоянно улыбающийся повар-китаец. Вольная русская песня про черного ворона над буйной головой полетела над палаточными окрестностями, предрекая скорое, бесславное окончание дружеской попойки, на зависть западным яйцеголовым наукоманам, которых невнимательные русские не пригласили выпить и закусить на халяву. Лишь странная южная луна и звезды осуждающе взирали с небес на беспечных людишек, покусившихся на самое святое – свое существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.